

БЕЗ МУЗЫКИ И РУССКОГО БОРЩА

Трух. —
1998. —
21 апр. — с. 5.

НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ ВЛАДИМИР СПИВАКОВ

Он играет самую разную музыку. Это может быть благородно-просветленное "Адажио" Марчелло или скорбно-повествовательная Концертная симфония Моцарта. Драматически-взвешенное "Воспоминание о Флоренции" Чайковского или исполненные ностальгии и мрачно сарказма "Российские фотографии" Щедрина. Безмятежно-веселые польки семейства Штраусов или трагифарсовый "Антиформалистический раек" Шостаковича... Радостно не только слушать, но и смотреть на него: на его неповторимый, какой-то окрыленный, исполнительский жест — и когда у него в руках скрипка, и когда он дирижирует; на его сверкающие глаза и эту бесподобную улыбку, одновременно и задорную, и победительную, и чуть-чуть смущенную...

А в жизни Спиваков — очень сосредоточенный, даже, кажется, склонный к задумчивости человек. Нет, конечно, не чудик-интраверт — ровен, контактен, доброжелателен: как иначе он мог бы работать с людьми — с участниками его оркестра "Виртуозы Москвы", с сотрудниками его благотворительного Фонда, с журналистами, наконец... И все же откуда затаившаяся в глазах, проскальзывающая в бархатистых звуках почти никогда не повышаемого голоса печаль? Печаль философа — у человека дела, обеими ногами стоящего на земле? Этот вопрос меня интриговал давно, и с него началась наша беседа в одной из комнат за кулисами театра имени Моссовета, где вечером должен был состояться концерт Спивакова...

— Вы знаете, в жизни о стольких вещах стоит задуматься, — начал Владимир Теодорович. — Я иногда ловлю себя на том, что отвечаю на вопросы невпопад. Потому что голова в этот момент занята совершенно другим. Чаше всего это музыка. Еще в пору моего ленинградского детства одна учительница говорила, что на моей макушке хорошо мороженое носить — это когда я затруднялся в ответе на какой-нибудь ее вопрос: например, о формуле крахмала или о чем-нибудь еще. Наверное, она считала, что мозг мой отнюдь не раскален от избытка мыслей...

— Ну, музыка волнует — это понятно. А что еще?

— Все волнует. То, как живут люди. Я ведь много езжу по стране, наблюдаю... Я слушаю новости по телевидению и по радио. Меня поражают не только сами сообщения, но и тот равнодушный тон, которым они делаются: столько-то солдат убито, столько-то жителей замерзло, столько-то врачей голодают... Нас приучают к равнодушию. К сожалению, художников это волнует больше, чем тех, кого должно бы волновать в первую очередь, — политиков, экономистов...

— Наверное, оттого, что они люди реалистичные и понимают, сколь мало от них зависит... Вот вы, например, в свое время сочли, что лучше, нежели каждодневно сражаться с российскими проблемами, увезти оркестр в благополучную Испанию — и, как принято считать, спасли тем самым коллектив от распада.

А почему бы "Виртуозам" не подумать о возвращении в Москву? В последнее время город очень преобразился, жизнь в нем стала куда более комфортной...

— Да, Москва приобрела новый облик, это по-европейски красивый город, здесь испытываешь какое-то праздничное ощущение... Я очень люблю Москву. И, кстати, часть оркестрантов действительно уже перекочевала сюда. Ну а в перспективе, как вам, возможно, известно, ожидается строительст-

во дома для "Виртуозов" — нового концертного зала на базе существующего кинотеатра "Форум".

— От души желаю нам всем осуществления этих планов. Но все же на Москве свет клином не сошелся — расскажите, пожалуйста, подробнее о ваших встречах с творческими людьми из провинции, о вашей помощи юным музыкантам...

— Я не очень люблю об этом говорить — вроде бы себя хвалишь. Люди искусства в нашей стране существуют в очень тяжелых условиях. Учителя музыки по 6–7 месяцев не получают зарплату. Я хожу к губернаторам, мэрам, прошу за педагогов, среди которых есть настоящие подвижники, на таких испокон веку Россия стояла. Они держатся буквально на одной картошке, но с утра до вечера занимаются с детьми, учат их...

Я стремлюсь, чтобы наши гастроли не проходили по принципу — "приехали, сыграли, уехали". После нашего посещения Пермь ряд детей получили в подарок музыкальные инструменты. В Грузии я учредил 8 стипендий, в Армении — столько же и подарил флейту. В Белоруссии стипендиатами моего фонда стали ученица художественной школы Аня Павлова, пианистка Аня Шибаева. В Новосибирске я совершил для себя два настоящих открытия: это 11-летний скрипач Миша Симонян и его ровесница, пианистка Полина Кондратьева. Мише я отдал скрипку, на которой сам когда-то играл. А вот помочь Полине оказалось сложнее: в школе, где она учится, очень плохой рояль, и я попросил тогдашнего министра культуры Сидорова вмешаться, но получил ответ, что никакой возможности оказать помощь нет... Может быть, новый министр найдет такую возможность? Ну и, конечно, я не могу обойти вниманием мою родную Московскую консерваторию — в этот приезд я учредил несколько стипендий для ее студентов. И еще — хочу основать фонд помощи самым низкооплачиваемым ее ра-

ботницам — уборщицам и гардеробщицам.

— У вас к этим бабушкам особое чувство? Наверное, некоторые из них помнят вас еще студентом...

— Меня здесь, в России, вообще не оставляет особое чувство: мне стыдно брать деньги за концерты. Все, что получаю, стараюсь тут же и оставить.

— Ну а какие художественные и прочие радости были у вас в России?

— Я много играл. Бывают поласы в жизни, когда я преимущественно дирижирую, но в последние месяцы посчастливилось немало выступать и со скрипкой в руках... Еще — я подружился с легендарным мимом Марселем Марсо. Впервые увидел его без грима, в домашней обстановке, услышал его голос. Он оказался чрезвычайно глубоким человеком, интереснейшим собеседником. Это знакомство состоялось в доме другого выдающегося человека — органиста, композитора, импровизатора Жана Гийу (русская публика должна знать его по выступлениям в нашей стране). Он служит в парижской церкви Сен-Усташ, где был когда-то главным органистом великий Сезар Франк, где двести с лишним лет назад отпелили мать Моцарта и, если не ошибаюсь, Листа тоже — через столетие. Гийу привел меня в этот храм и поразили тем, что играл наизусть чуть ли не всю русскую музыку — от симфоний Чайковского до балетов Стравинского. И в благодарность за это я сыграл ему в пустой церкви (был второй час ночи) Чакону Баха.

— Как бы ни складывались ваши житейские дороги, вы с неизменной регулярностью приезжаете в Россию...

— Да, я испытываю к нашей публике огромную любовь. Такого благодарного отклика, какой бывает здесь, вы нигде на Западе не найдете: какая-нибудь слушательница может с сентября растить у себя дома цветок, чтобы в разгар зимы преподнести его мне... Или

такой эпизод: недавно, когда я находился в Тюмени, у меня было всего 15 минут между репетицией и концертом, чтобы пообедать. Но ресторан в тот момент был закрыт. Однако повара приютили меня, дали порцию борща, принесли пельмени — а по краю тарелки пельмени выведено горчицей: "С великой любовью". Ну где такое еще можно встретить? Нигде.

— Не потому ли вы перебрались с семьей из Испании в Париж — и к России поближе, и до оркестра недалеко?..

— Мне в Испании стало скучновато. Все-таки Париж — это мировой культурный центр. И потом французскую и русскую культуры столь многое связывает... А на репетицию к коллегам не проблема подлететь, это всего час на самолете, как из Москвы в Санкт-Петербург... Живу я довольно близко к центру города, но не в буржуазном, а в демократическом 16-м районе, на улице Теофила Готье. В каком-нибудь 6-м или 7-м районе купить квартиру мне было бы не по карману, здесь они еще дороже, чем в Москве. Да и эту я приобрел в рассрочку до 2017 года. У нас четыре комнаты и кухня. В этом доме есть еще мансардные комнаты для прислуги, но у нас нет ни комнаты такой, ни прислуги — жена все делает сама.

— Кто живет с вами?

— Кроме нас с супругой, ее мама и три мои дочки.

— Так вы многодетный отец!

— Я очень люблю детей и хотел бы, чтобы их было еще больше.

— Не тесновато ли вам?

— Я не привык к роскоши. Когда приходят гости в мою бывшую московскую квартиру на улице Неждановой (я эту квартиру ждал 15 лет и не получил бы, если бы не поддержка Синявской и Магомаева), то очень удивляются: как, здесь теснится Спиваков?.. Для занятий у меня в Париже приспособлен маленький кабинет. Но сейчас я чаще репетирую в гостиной, а в кабинете на рояле занимается дочка.

— Часто вы собираетесь вместе?

— Не очень. Девочки не могут надолго уезжать из Парижа, потому что старшие — Екатерина (ей 13 лет) и Татьяна (10) — учатся в школе, а 3-летняя Анна еще очень мала. Правда, в нынешнем путешествии Катя и Таня составили нам с женой компанию. Москва им очень понравилась.

— Они говорят по-русски?

— Ну, конечно, они же в России родились. Но сейчас уже лучше — по-французски. И еще владеют испанским. У меня своя языковая "политика", я запрещаю дома говорить не по-русски.

— А малышка проявляет какие-нибудь музыкальные склонности?

— Да, она смотрела празднование 850-летия Москвы, это ее любимая видеокассета. Ей очень понравилось выступление Жени Кисина с Концертом Чайковского, она мне потом много из этого концерта напевала.

— Вы такой любитель всего русского — как же вам удалось приспособиться к чужому

быту?

— При желании и в Париже можно организовать русский быт. Я облюбовал один магазин при русском ресторанчике на улице Николо, в моем же 16-м районе, и теперь они даже делают на мне рекламу. Когда к ним пришла Майя Плисецкая, они ей сообщили, что Спиваков регулярно покупает здесь огурцы и квашеную капусту... Я, действительно, не могу без этого, дома у меня русская кухня, к обеду готовится борщ...

— Майя Плисецкая как-то сказала, что они со Щедриным всегда встречают Новый год по московским курантам — где бы ни находились...

— И я тоже. Даже в Париже (а встречать праздники я люблю, естественно, в кругу семьи).

— Вы устраиваете семейный концерт, спектакль?

— Это дети, я обычно даже не знаю, что они готовят, какие стихи собираются прочесть, какую сказку разыграть.

— А вы до сих пор любите сказки?

— По-моему, нет людей, которые их не любили бы. Я, например, очень люблю сказки Андерсена. Но у них часто грустный конец. Мне с детства запомнилось, как в одной из них человек на сундуке летел к принцессе, но в городе был фейерверк, одна искорка попала в сундук, и он сгорел. Мне было очень жалко этого человека... Также до сих пор "ранит" сюжет "Снежной королевы".

— Чем же? Ведь там все хорошо кончается.

— Сама идея, что человеку попадает в глаз осколок заколдованного зеркала, и оттого он перестает замечать доброе и радостное, а видит только злое и мрачное, будит столько ассоциаций, увы, чересчур актуальных... Слишком много в жизни приходится встречать людей с таким вот осколком кривого стекла в глазу... Сказки вообще очень актуальны. Вот, например, эта грузинская история про двух мошенников. Они спорят, кто из них более ловок, и один говорит: вот я сейчас заберусь на дерево и выну из-под голубки яйцо так, что она даже не заметит... И он действительно это делает, и уже готов похвалиться перед "коллегой" — но в этот момент обнаруживает, что, пока он лазал, тот снял с него подштанники!.. По-моему, эта сказка очень подходит к нашей сегодняшней жизни — особенно в обычае подобных сюжетов у наших государственных мужей.

— Ну, не все в нынешней российской жизни обман и мошенничество. Каким вам видится нынешний год? Что нас еще ждет?

— Во всем мире астрологи и футурологи сходятся на том, он должен быть щедр на природные и иные катаклизмы — но России эти катаклизмы обойдут стороной. Дай Бог, чтобы предсказатели ошиблись в первом пункте и не ошиблись во втором.

Вел беседу
Сергей БИРЮКОВ.